

ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ: К ИСТОРИИ РАЗРЫВА РУССКО-БОЛГАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1886-1896 гг.

ВИКТОР ИВАНОВИЧ КОСИК*

Abstract

Time Trials: The History Of The Breakup Of The Russian-Bulgarian Relations 1886-1896.

Victor Kosik

The text describes a complex story of ten-year gap between the recent liberators and the liberated. In this dramatic story associated with unauthorized, without the permission of Russia, the reunification of the Bulgarian Principality with Eastern Rumelia (southern Bulgaria) played a significant role factor, on the one hand, Imperial and Slavic, on the other – national, connected with the search of liberation from his terrible guardian, does not allow to recognize the great powers of the new Prince of the family of Coburg. The text highlights the stories connected with the phenomena of Russophilia and Russophobia, with conspiracies, intrigues, threats, and great politics.

Keywords: Russia, Bulgaria, Battenberg, breakup, Ferdinand, the Stambolov

Аннотация: в тексте освещается сложная история десятилетнего разрыва между недавними освободителями и освобожденными. В этом драматическом сюжете, связанном с самовольным, без разрешения России, воссоединением Болгарского княжества с Восточной Румелией (Южной Болгарией) немалую роль играл фактор, с одной стороны – имперско-славянский, с другой – национальный, связанный с поиском освобождения от своего грозного опекуна, не позволяющего признать великими державами нового князя из рода Кобургов. В тексте освещаются сюжеты, связанные с феноменами русофильства и русофобства, с заговорами, интригами, угрозами, с большой политикой.

Ключевые слова: Россия, Болгария, Баттенберг, разрыв отношений, Фердинанд, Стамболов

В Болгарском княжестве, во главе которого был русский ставленник немецких кровей – князь Александр I Баттенберг, была принята довольно демократическая конституция с набором таких прав и свобод, о которых могли только мечтать российские либералы. Одно было плохо: неразрешенность вопроса объединения с Восточной Румелией (Южной Болгарией) и Македонией.

Болгарские государственные мужи, лидеры политических партий понимали, что только Россия может помочь стране в реализации этих задач.

Россия же должна была выполнить одно: воплотить Сан-Стефано в жизнь. В России видели силу, которая должна быть поставлена на службу интересов брат-

* Доктор исторических наук, Институт славяноведения Российской академии наук (ИСл РАН), kosikvictor@mail.ru.

ского болгарского народа.

И ей постарались помочь, устроив в 1885 г. революцию в Южной Болгарии и воссоединение с Северной Болгарией под главенством Александра Баттенберга без разрешения русского царя, давно усматривавшего в болгарском князе «ненадежного монарха», действия которого, случалось, вредили престижу русского имени.

Официальная Россия была поставлена в крайне затруднительное положение в связи с нарушением *status quo* на Балканах. Безусловно и то, что «истинный патриотизм» требовал не допускать ввода турецких войск на территорию Восточной Румелии. Эту задачу взял на себя посол в Константинополе А.И. Нелидов, заявивший великому визирю Камиль-паше о катастрофических последствиях для Турции, если хоть один турецкий солдат ступит на землю Восточной Румелии. Тот же мотив обнаруживается и в поставках оружия и военного снаряжения для Болгарии осенью 1885 г. и начале 1886 г. Оружие шло не князю, а болгарскому народу, его армии. В то же время «истинный патриотизм» требовал удаления Баттенберга, столь ненавистного Александру III.

Конечно, многие болгарские политические деятели понимали всю сложность ситуации. Но в своей массе они считали, что, защищая своего князя, они отстаивают принцип национальной самостоятельности. В одной из многочисленных политических программ подчеркивалось желание иметь свою «собственную человеческую физиономию», «мы преклоняемся перед Россией, но Болгария должна быть для болгар»¹.

В то же время замечу, что в Болгарии продолжала жить идея «вхождения» с Россией. Так, судя по записям в дневнике политического деятеля К. Стоилова, в 1886 известный деятель Св. Миларов, утверждал, что «Болгария должна стать русской провинцией, что мы не можем управлять страной, что конституционализм был у нас просто шарлатанство». Далее, как отмечал Стоилов в своем дневнике, Миларов сказал, что по прошествии нескольких десятков лет, когда Болгария достигнет Сан-Стефанских границ, болгары должны быть счастливы, имея от России права, которыми сейчас обладает Финляндия².

Другой болгарин, З. Стоянов, восклицал: «Да бъде проклета оная минута, когато е стъпил руски крак в нашата земя, когато се е произнесла за първи път думата освободителка и покровителка!»³

Иными словами, единства не было среди политических деятелей Болгарии.

¹ *Архив внешней политики России (далее – АВПРИ)*, ф. Посольство в Вене, д. 272, л. 36 об. – 37, Г. В. Игельстром, 12 октября 1885 г.

² К, Стоилов, *Дневник*, В 2-х ч. Ч. 2. София, 1996. С. 14.

³ <http://www./Dnevnik.bg/>

Его же не было и среди великих держав. Пожалуй, только Англия, по известным причинам, поддерживала Соединение под эгидой князя.

Весьма жестко реагировала и дальше Великая Порты на попытки Софии установить прямые контакты. 21 сентября князь направил в турецкую столицу делегацию, но ее встретили как «представителей революционного правительства: первый вечер их держали арестованными в конаке полицейского префекта, а позже поставили под надзор полиции»⁴.

Самая резкая реакция на объединение последовала со стороны сербского короля Милана, усмотревшего в выходе Болгарии на второе (после Румынии) место в регионе по территории и численности населения угрозу для своих позиций, идей расширения границ своей страны, равно как возможность поправить свое внутреннее положение и авторитет. В начале ноября 1885 г. последовало нападение его армии на свою славянскую соседку. Однако блицкриг провалился.

Правительство Александра III, осудившее акт объединения, тем не менее, не хотело отдавать столь дорого доставшуюся ей Болгарию в «чужие руки», той же Австро-Венгрии или Англии. Здесь достаточно вспомнить и об Османской империи с ее проектом договора с княжеством (1886 г.), по которому в случае нападения на Болгарию Порты посылала туда свои войска, передавая их под командование князя; если же нападение было бы совершено на европейские владения Османской империи, туда высылались бы болгарские части, поступавшие под начало турецких генералов. В этой статье договора, принятой болгарской стороной, Россия усматривала оскорбление памяти ее солдат, воевавших за свободу братского народа. Равным образом он не отвечал ее надеждам на сохранение Болгарии как своего форпоста на Балканах.

Вследствие усилий посла в Константинополе А. И. Нелидова эта статья была выброшена из текста болгаро-турецкого договора. Было отвергнуто предложение и о предоставлении князю пожизненного мандата на управление Восточной Румелией. В окончательном тексте имя Александра Баттенберга как ее правителя было заменено на безликое выражение «болгарский князь». Русская дипломатия сделала все от нее зависящее, чтобы облегчить будущее свержение Баттенберга и расширить набор средств для управления страной в желательном для России направлении.

5 апреля 1886 г. в Стамбуле в султанском дворце Топхане был подписан акт о воссоединении Восточной Румелии с Болгарским княжеством.

В самой Болгарии не могли не понимать, что страна с таким князем

⁴ С. Радев, *Строителите на съвременна България*. София, 1973. Т. 1. С. 573. Радев, *Строителите...*, С. 799.

будет лишена поддержки и покровительства России, той самой самодержавной гонительницы либеральных идей, нашедших благодатную почву в княжестве. Только «жертва» монарха могла сменить «царский гнев» на его «милость».

Однако установка на долгое ожидание была прервана 30 июня неожиданным сообщением из Софии о планируемом заговоре против князя. Толчком к такому «повороту» послужили слухи о готовящейся в Сербии войны, в которой военные заговорщики предрекали поражение Болгарии. Для них виделся только один выход – низложение князя и обретение покровительства России.

В Петербурге царь был в курсе происходившего. Неодобрения планируемому акту не последовало.

9 августа 1886 г. дворец был окружен, и по требованию детронаторов в офицерских мундирах князь подписал отречение, чей текст включал в себя следующие слова: «так как болгарский народ и войска находят, что мое дальнейшее пребывание на болгарском престоле является вредным для интересов страны, то я отказываюсь от престола»⁵.

Один из руководителей заговора Р. Дмитриев в своем заявлении для русской прессы подчеркивал: «Мы, болгары, всегда видели в России державу, которой мы обязаны всем и которая одна может обеспечить нашу национальную независимость и объединение... Наши мечты были достигнуть славянской федерации в форме объединения вооруженных наших сил под общим управлением Великого Царя... Вначале все шло как следует, и в лице Баттенберга мы видели только представителя Русского императора. Но не имея ничего общего с нами, немецкий принц не захотел служить великой идее, связующей нас с Россией... Мы ждали, что Баттенберг образумится и так или иначе возвратит нам покровительство России. Но каково было наше удивление, когда мы, вместо ожидаемого сближения, прочли турецко-болгарское соглашение, по которому в случае нужды Баттенберг был готов преподнести болгарский контингент султану для борьбы против внешних врагов, следовательно, и России. Терпению нашему настал конец, мы видели, что отечество находится на краю гибели... Спасти его, по нашим понятиям, можно было, только удалив из страны принца Баттенберга»⁶.

Однако таких людей, как Дмитриев, позднее служивший верой и правдой в рядах русской армии в годы Первой мировой войны, насчитывались единицы.

Сам верхушечный переворот провалился.

⁵ Радев, *Строители...*, С. 799.

⁶ *Новое время*, 1/13 октября 1886, № 3804.

Наступало время С. Стамболова, Его имя прочно вошло в историю Болгарии как видного политического и государственного деятеля, который был и болгарским Гладстоном, и диктатором, тираном и освободителем, апостолом и главным полицейским.

Ст. Стамболов, этот «болгарский Бисмарк», решил тогда побороться с Россией за «Болгарию для болгар», громивший русофилов и прочих оппозиционеров, имевших отличное от него мнение о России. Естественно, для русофилов он входил в ряд «мерзавцев» и «честолюбцев», которые для удовлетворения своего честолюбия готовы разорить болгарский народ⁷.

Но не все так просто. В своей дневниковой записи от 6 декабря 1886 г. Стамболов писал: «В нашей борьбе с турками Россия была для нас святая, мы на нее смотрели с полным и беспредельным доверием, от нее мы ожидали, что она нам поможет и нас освободит, и, действительно, наши надежды оправдались! Тогда мы глядели с ненавистью и отвращением не только на турков, но и на австрийцев, на немцев, а больше всего на англичан, потому что они поддержали сторону турков и... кричали, что Россия не идет освобождать христиан от турков, но идет их поработать и со временем завладеть и поглотить. Какой болгарин верил этим немецко-английским бессмыслицам? Кто не относился к ним с презрением и даже с отвращением как к подлым и бесчестным интригам?... Сейчас многие болгарские деятели, которые 10-12 лет назад отдали бы жизнь под русскими знаменами в войне с Германией, Австрией и Англией, не подумали бы помогать русским, и даже желали бы, чтобы русские были... побеждены, чтобы Болгария могла свободно вздохнуть и укрепиться внешне и внутренне как государство. Одно время турки душили болгарскую свободу и народность, сейчас то же самое хотят делать наши братья освободители. Одно время всякое зло для болгар шло из Цариграда, сейчас идет из Петербурга. Одно время мы боролись и сторожились турков, сейчас то же самое с русскими. О, как изменились дела: поэтому не странно, что изменились и симпатии болгар. Послушные до вчерашнего времени русским, мы сегодня боимся их как огня и чумы... Когда мы поняли, что Россия хочет уничтожить Царство наше, захватить нашу землю, погубить народность нашу и усесться в нашем доме, мы ... собрали силы и началась между Россией и нами страшная и непримиримая дипломатическая война, война между освободителями, сейчас превращенными в грабителей, и освобожденными, между маленьким и слабым Давидом и исполином Голиафом»⁸.

⁷ Генерал Анастас Бендерев *Спомени Писма*. – Б. м., 1999. – С. 161.

⁸ Ст. Стамболов, *Дневник*, София, 1991, С. 106–107.

Тем временем, 17 августа Александр Баттенберг издал манифест о своем возвращении: он не желал прослыть князем, которого выгнали «солдаты». В тот же день князь послал царю телеграмму, которая заканчивалась словами: «Россия даровала мне мою корону, и эту корону я готов вернуть ее монарху»⁹.

Петербург не спешил с немедленным ответом. В нервном ожидании князь, по моему мнению, считал, что в Северной Пальмире от него ждут иного заявления. И Александр I князь болгарский решается. 19 августа князь через русского консула в Русе Б. Шатохина извещает русскую столицу, что он «твердо намерен покинуть навсегда Болгарию и что такое решение его об отречении бесповоротно»¹⁰. Действуя таким образом, Баттенберг, отринув личное самолюбие, надеялся умиловить царя и предотвратить возможное вмешательство России во внутренние дела страны. 20 августа пришла за долгожданная царская телеграмма, в которой были такие слова: «Не могу одобрить возвращения вашего, предвидя злополучные последствия для страны... Я воздержусь от всякого вмешательства в печальное положение дел, до которого доведена Болгария, пока вы будете там оставаться. Вашему высочеству предстоит решить, что вам надлежит делать. Предоставляю себе судить о том, к чему обязывают меня чтимая мною память моего родителя, интересы России и мир на Востоке»¹¹.

Иного ответа, зная отношение царя к князю, было нельзя ожидать. Стамболов, узнавший о переписке князя был в ярости. «Для этого человека, -- как он говорил своим близким, -- мы подняли на ноги всю Болгарию... брат против брата обнажил нож, и он принимает такое судьбоносное решение не спрашивая нас; бросает свою корону к ногам иноземного монарха и скрывает от нас?»¹²

В самой стране начались гонения против лиц, замешанных в перевороте от 9 августа. В стране было объявлено военное положение. Из русских консульств в МИД летели телеграммы об избиениях и арестах сторонников России. Спасение страны и сохранение в ней русского влияния русские дипломаты видели только в оккупации¹³.

26 августа Александр Баттенберг подписал обращение к народу о своем отречении и в тот же день покинул Софию, потом и страну.

⁹ Цит. по: С. М. Горяинов, «Разрыв России с Болгарией в 1886 г.», *Исторический вестник*, 1917, т. 147, № 1. С. 189.

¹⁰ *АВПРИ*, ф. Канцелярия, д. 92, л. 641, Б. Шатохин – МИД, 19 августа 1886 г.

¹¹ Горяинов, «Разрыв России с Болгарией...», С. 189–190.

¹² Радев, *Строителите...*, С. 201.

¹³ *АВПРИ*, ф. Канцелярия, д. 92, л. 627 ою, П. М. Богданов – МИД, 16 августа 1886 г.; там же, д. 92а, л. 7, Г. В. Игельстром – МИД, 20 августа 1886 г..

Державший власть Стамболов не мог не понимать, что с уходом Баттенберга в политическое небытие главный удар России придется держать ему, как организатору разгрома русофильских сил в стране, устройтелю заявленного судебного процесса над офицерами, замешанными в перевороте 9 августа 1886 г. Для Стамболова наступало время испытаний всех его недюжинных политических и бойцовских качеств, столь необходимых, чтобы уцелеть на политическом Олимпе и не дать себя уничтожить ни России, ни своим соперникам в схватке за власть, за выбор пути Болгарии, за независимость от царских генералов, которые могли быть присланы Россией в случае прихода к власти Драгана Цанкова.

Время первых политических баталий, обычно связывается с известной миссией генерала Н.В. Каульбарса, посланного осенью 1886 г. с задачей восстановления престижа России, прежде всего, недопущения суда над офицерами-детронаторами, нейтрализации вторичного выбора Александра Баттенберга князем, чего так опасались в Петербурге. Обе стороны отнюдь не отличались ни выдержкой, ни тактом. Достаточно упомянуть появление русских военных судов на рейде Варны, с одной стороны, и преследования русофилов, с другой. София не желала поступаться властью, жестоко подавляя антиправительственные выступления, Санкт-Петербург – ею жертвовать.

В подобной ситуации разрыв был неминуем, что и произошло в начале ноября 1886 г. По мысли Н.В. Каульбарса, отъезд русских дипломатов должен был послужить своеобразным уроком непокорным и упрямым болгарским политикам. В России считали, что в той ситуации, когда вопрос о кандидатуре на вакантный престол мог быть решен только при ее одобрении, правящие круги в Софии будут вынуждены пойти на поклон Петербургу.

Однако МИД явно просчитался, рассчитывая на быстрый успех. И как ни странно это звучит, болгарам в этой сложной ситуации помогал вассальный статус страны. Они могли тянуть дипломатическую игру сколько угодно времени. Разумеется, на руку Софии было и то обстоятельство, что в отпоре притязаниям России на Балканах были заинтересованы западные страны, прежде всего Великобритания и Австро-Венгрия.

Все это не замедлило обнаружиться уже в процессе выдвижения Петербургом на престол князя Н.Д. Мингрели. Эта кандидатура была в Софии встречена в штыки. Болгары в нем видели лишь «азиата», добровольно передавшего в свое время владетельные права на Мингрелию Александру II, послушного исполнителя воли российского императора, а не личность, способную проводить самостоятельную политику. Не желая «пускаться» к себе Мингрели, у Стамболова в декабре 1886 г. имелся на пер-

вый взгляд «сумасшедший план» по предоставлению болгарского трона своему номинальному сюзеру турецкому султану Абдул-Хамиду. Судя по строкам из книги Д. Маринова, Стамболов через своего дипломатического агента в Стамбуле ознакомил султана со своим предложением. Однако турецкий повелитель отказался от такого «подарка», грозившего международными осложнениями¹⁴.

Непримиримость Софии и нежелание Константинополя использовать свое посредничество ради осуществления планов Петербурга сорвали замыслы русской дипломатии. Потерпела крах и мелькнувшая было идея занятия княжества российскими войсками. Особую активность в этом вопросе проявлял Д. Цанков – ярый соперник Стамболова. Для него (Цанкова) – рвавшегося к власти на русских штыках – восстание представляло собой удобный предлог для русской оккупации, проходившей бы под вполне благовидным предлогом избавления страны от междоусобных распрей.

Правительство в Софии было готово подавить в зародыше любую попытку выступления против него. Там прекрасно понимали, что только быстротой и решительностью в борьбе с оппозицией можно спасти страну от гражданской войны и, соответственно, от оккупации.

Могут лишь напомнить, что в Санкт-Петербурге после разрыва с Софией отношений в ноябре 1886 г. считали, что в той обстановке, когда вопрос о кандидатуре на вакантный княжеский престол мог быть решен только при одобрении русской дипломатии, болгары будут вынуждены пойти на поклон к русским.

К этому стоит добавить, что действия России лишь усилили русофобские настроения в стране. В такой ситуации вспыхнувшее было в феврале 1887 г. восстание офицеров-русофилов в Русе и Силистре, было жестоко подавлено.

Именно «русская опасность» заставила Софию поспешить с возведением на трон самовыдвиженца князя Фердинанда Кобургского. Этот акт и был совершен 25 июня/7 июля 1887 г. Великим Народным собранием.

Католическая вера князя не смущала Софию. Фердинанда, в свою очередь, не стесняла мысль о своем несчастливом предшественнике.

Новый монарх с первых лет своего правления активно «приручал» прессу субсидиями, отличая тех, кто писал против того же Стамболова. Раздавал ордена и подарки на дни именин, рождения и другие даты, несколько надоедливо напоминая награжденным о своих «милостях»¹⁵.

¹⁴ Д. Маринов, *Стефан Стамболов и новейшата ни история*, Част втора. София, 1992. С. 63-67.

¹⁵ Д. Ганчев, *Спомени за княжеско време*, София, Издателство на ОФ, 1983. С. 25, 27, 29.

Выступая своеобразным «спасателем» от русской угрозы, он надеялся, что болгары будут отстаивать его, защищая свой суверенитет и дальше от посягательств России.

Для примера напомним, что тогда русская дипломатия стала прилагать усилия, чтобы побудить Османскую империю к отказу от признания князя. Однако Порты заявила, что будет следовать в этом вопросе мнению великих держав. Она ссылалась на Берлинский трактат, где говорилось, что «князь болгарский будет свободно избран населением и утвержден Портой с согласия держав». Таким образом, Россия оказывалась в плену положений Берлинского договора, за сохранение которых она же и выступала. Создавалась патовая ситуация в вопросе утверждения князя на болгарском престоле.

Возникали и рушились как карточные домики разнообразные русские планы, идеи, проекты по урегулированию болгарского вопроса, носившие весьма рискованный, если не авантюрный в своем большинстве характер. Стремясь использовать любой мало-мальски серьезный шанс для организации контрпереворота в Болгарии, Россия не забывала старую идею о привлечении самих болгар — противников власти Стамболова — к этой акции. В этом ракурсе представляет интерес секретная миссия дипломата Н. Г. Гартвига по координации деятельности эмиграции. Во время своих встреч и бесед (1887 г.) с представителями эмиграции в Константинополе, Адрианополе, Бухаресте он стремился рассеять их надежды на вооруженное вмешательство России в болгарские дела. Эмигрантам внушалось, что освобождение их страны зависит только от них и рассчитывать они могут только на свои силы, на прочность создаваемой базы. Однако надежды Петербурга решительно не оправдывались. Дальнейшее финансирование было прекращено¹⁶.

К середине января 1888 г. в Петербурге разработали другой план по удалению князя. Он был связан с именем близкого друга Фердинанда, известного банкира и железнодорожного дельца Морица Гирша. Он обещал главе российского МИД уговорить Фердинанда покинуть Болгарию. Однако и здесь «счастливого конца» не получилось. Гирш отказался от своего намерения на том основании, что положение его друга — ранее славшего ему отчаянные письма — упрочилось¹⁷.

Замечу, что болгарский монарх «мешал» не только царю. Он начал действовать на нервы и фактическому властителю страны Стамболову, который ради «независимости» ее от той же России жертвовал «свободой», свирепо подавляя инакомыслие, преследуя русофилов. Здесь

¹⁶ Ганчев, *Спомени за княжеско време...*, С. 32–39.

¹⁷ Там же. С. 39.

особенно отличалась своим ярко выраженным русофобством проправительственная газета «Свобода». В связи с рядом бедствий, обрушившихся на Россию в 1892 г., на ее страницах допускались и такие фразы, как: «в прошлом году – голод, в этом – холера, в следующем – дай Бог и чуму в Россию!»¹⁸

И здесь необходимо все же процитировать одну приписываемую ему максиму: «Русия ни освободи, кой ще ни освободи от Русия?!» («Россия нас освободила, кто нас освободит от России?!»). И здесь Стефан Стамболов сам прилагал к этому «освобождению» немалые усилия.

Его взгляд на Россию разделяли многие националисты, неприязнь и неверие которых к России, ее политике могла бы быть сконцентрирована, по моему мнению, в следующих словах-объяснениях.

1. Я люблю Россию, но ненавижу русскую политику.
2. Я люблю Россию, но только когда она не решает свои дела за меня.
3. Я люблю Россию, но ненавижу самодержавие.
4. А за что я должен любить Россию, если после 1878 г. моя родина оказалась под двойным русско-турецким игом?
5. А за что я должен любить Россию, если она всегда была для меня мачехой?
6. А за что я должен любить Россию, если освобождение ею моей страны связано с оккупацией?
7. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию Македонии.
8. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию ее первого князя.
9. Я ненавижу Россию, потому что я всегда «меньший брат» для нее.

Да, конечно, Стамболов и иже с ним в своей решимости спасти страну от слишком «навязчивой» России, и ратуя за «свободу от нее», в итоге превращались в «крепостников» независимости Болгарии.

И в то же время его политическое русофобство могло закончиться гораздо раньше. Будучи умным политиком, он не мог не понимать, что рано или поздно Фердинанд постарается избавиться от него. Причем здесь необходимо учитывать один непреложный факт, а именно, Стамболов не мог не понимать, что без урегулирования отношений с Россией международное положение Болгарии остается незавидным.

В начале 1888 г. русофоб Стамболов хотел превратиться в русофила Стамболова, обещавшим России выдворить князя из страны в обмен на определенные гарантии, в том числе материального характера (письмо

¹⁸ Цит. по: Д. Ризов, *Разлагающа се и възраждающа се България*, София, 1894. – С. 34.

Ст. Стамболова в МИД России от 25 февраля 1888 г.). Тогда Фердинанда спасло, скорее всего, недоверие русской дипломатии к Стамболову и ее уверенность в том, что выдворение князя устроится без особых денежных затрат.

Повторю, что Фердинанд был для болгар своеобразным символом болгарской независимости, для русских патриотов «узурпатором» болгарского престола, для турок — фигурой, вносившей помехи и сложности в международной сфере, прежде всего в русско-турецкие отношения. Все это весьма ясно просматривается в сюжете, связанном с «обращением» Софией на свою сторону Турции, страшая ее объявлением своей независимости в случае отказа в официальном признании князя Фердинанда. Авантюрный прием Болгарии был основан на страхе Стамбула перед политическими осложнениями, которые могли втянуть Турцию в войну. Расчет Софии, казалось, оправдывал себя. Встревоженная Порта в 1889 г. провела ряд чрезвычайных совещаний и была готова уступить, но не могла, как и прежде, решиться на самостоятельную акцию. Турецкое правительство с Абдул-Гамидом II предприняли ряд попыток склонить русскую дипломатию к совместному признанию законности пребывания князя Фердинанда на престоле. Султан, объясняя русскому послу в Стамбуле А. И. Нелидову всю вынужденность предполагавшегося шага, обуславливал его интересами европейского мира. Однако собеседник Абдул-Гаида II был непреклонен, заявляя, что угождая «честолюбцам», поставившим Фердинанда в Болгарию, султан забывает, что «Россия есть самая близкая и мощная соседка Турции». После столь недвусмысленной угрозы Нелидов теперь уже «по дружески» уверял султана, что уступка болгарам отнюдь не прекратит дальнейших притязаний, а наоборот, вызовет их рост: требование независимости, присоединение македонских земель, а также территориальные претензии со стороны соседних с Османской империей стран. В конечном итоге, как заключал российский дипломат, эта уступка явится толчком к «окончательному разложению Турции»¹⁹. Эта успешная политика запугивания заставила уступить султана и заявить еще раз об отказе в признании Фердинанда.

В Болгарии предпочитали ограничиться принесением в жертву Стамболова. Устраивая весной 1894 г. отставку «спасителю» Болгарии, оппозиционные силы надеялись, что она положит начало процессу нормализации отношений с Россией. На это рассчитывал и сам Фердинанд, охотно пожертвовав своим «надзирателем».

Тем не менее, в болгарской столице не могли не понимать, что принесение Стамболова в жертву будет недостаточно, и Россия продолжит методично настаивать на устранении Фердинанда. Но надежда остава-

¹⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 24. Т. 2. Л. 72—79.

лась уже в силу того, что сама отставка Стамболова давала повод для нового разбора болгарского вопроса в Петербурге и возможного изменения правительственного курса. В самой стране шли многочисленные митинги с требованиями скорейшего восстановления отношений между Болгарией и Россией. В МИД России считали уход Стамболова лишь началом процесса по удалению князя.

Во главе нового правительства встал опытный политик и государственный деятель К. Стоилов, понимавший необходимость отмены русофобского курса и недопущения грубого произвола во внутренней политике. Но император придерживался прежней жесткой позиции о невозможности примирения, пока Кобург занимает болгарский трон. Тем не менее окончательное решение было отложено на сентябрь, когда Александр III намеревался вновь обсудить болгарский вопрос²⁰. Однако самодержец уже не смог больше вернуться к нему. Здоровье императора стремительно ухудшалось. 20 октября 1894 г. Александр III скончался.

3 июля 1895 г. было совершено очередное, на этот раз «удачное» покушение на Стамболова тремя выходцами из Македонии, мстившими за своих близких. В последовавшей смерти сестра бывшего диктатора открыто обвинила Фердинанда как главного «инспириатора» убийства. В самой Болгарии гибель Стамболова была встречена одними с «облегчением», других – потрясло, но для громадного большинства народа известие о его смерти воспринималось с «нескрываемой радостью»²¹.

Для русской дипломатии, сломившей упорство молодого императора Николая II, вознамерившего было продолжать политику своего отца, примирение означало путь к восстановлению влияния в славянской стране, играющей отведенную ей роль в стратегических планах России. Сам князь Фердинанд ради сохранения своей династии дал согласие на крещение 2 февраля 1896 г. своего первенца Бориса Клеменса Роберта Марию Пия Людвига Станислава Хавьера (1894–1943), принца Саксен Кобург Гота по православному обряду (Крестным отцом Бориса стал русский царь). Вслед за восстановлением русско-болгарских отношений остальные великие державы поспешили признать законность Кобургского на престоле. Многолетняя тяжба кончилась. Русско-болгарский конфликт был похоронен вместе с Александром III.

Наступали новые времена и для Болгарии, и для ее князя, награжденного новым императором орденом Св. Владимира I степени. Стремясь «ублаготворить» Россию и «утешить» Болгарию, князь Фердинанд в одном из своих выступлений того времени заговорил об «оживляющих лу-

²⁰ Ламздорф В. Н. *Дневник (1894—1896)*. М., —Л. 1991. С. 139.

²¹ Ганчев, *Спомени за княжеското време*, С. 207.

чах восточной зари в противоположность мертвящему зною западного союза». Однако эти высокопарные слова так и остались словами. Главное было в другом – Болгария вновь появилась на международной арене, чтобы с новой силой продолжать борьбу за воссоединение всех болгар.

Более того, тогда он стал выводить свой род по отцу от князей витинских, т. е. славянских, по матери – считать себя пра-пра-правнуком русской княгини, вышедшей замуж за одного из родоначальников династии Капетингов. Для грядущих поколений он приказал изготовить памятную доску с соответствующей надписью и вделать ее в одну из колонн в храме св. Александра Невского. Однако в 1913 г., когда курс болгарской политики стал меняться, доска по его приказу была убрана²².

Öz

Bu çalışmada, kurtarılanlar ve kurtarıcıları arasındaki on yıllık kopuşun karmaşık tarihi ele alınmaktadır. Rusya'nın taraftar olmadığı, Bulgar Knezliği'nin Doğu Rumeli ile birlikte yeniden birleştirildiği bu süreçte, bir yandan Slav imparatorluğu, diğer yandan milliyetçiliğin rolü ağır basmaktaydı.

Bulgar politikacılar, sürecin kendine özgü zorluklarını anlamaktaydılar. Ancak onlar kendi prenslerini destekleyerek milli ideallerini gerçekleştirme ümidini korumuş oluyordu. Bu görüşten hareketle Rusya hakimiyetine önem vermekle birlikte, Bulgaristan'ın Bulgarlar için olması gerektiğini düşünenler etkinliğini artırıyordu. Diğer yandan Bulgaristan'ı tek başlarına idare edemeyeceklerini iddia eden Bulgarlar, Rusya'nın bir vilayeti olarak devam etmenin en doğru yol olduğuna inanıyorlardı. Çalışmada, Rus yanlısı ve Rus karşıtı olanlar, entrika, tehdit ve komplolar ile politik konular ele alınmaktadır.

Anahtar Kelimeler: Rusya, Bulgaristan, Battenberg, Kırılma, Ferdinand, Stambolov

Список литературы

Ганчев Д., *Спомени за княжеско време*, София, 1983.

Генерал Анастас Бендерев Спомени Писма, Б. м., 1999.

Горяинов С. М., “Разрыв России с Болгарией в 1886 г.” *Исторический вестник*, 1917. Т. 147. № 1.

Маринов Д. *Стефан Стамболов и новейшата ни история*, Част втора. София, 1992.

Радев С, *Строителите на съвременна България*, София, 1973. Т. 1.

Ризов Д. *Разлагающа се и възраждающа се България*, София, 1894.

Стоилов К. *Дневник*, В 2-х ч. Ч. 2. София, 1996.

²² Там же. С. 23, 208.